

• Автор: [Павел Лузин](#)

[Два года в Сирии: что в итоге?](#)

Спустя два года после начала военной кампании в Сирии борьба Кремля за дамаского диктатора Башара Асада продолжается. Правда, из средства для политического торга с Западом она уже давно превратилась в самоцель. Начиная с 2016 года, главные усилия Москвы были направлены на *капитализацию* бесперспективного актива, каким изначально был Асад. И вот теперь, когда международная коалиция освободила от Исламского государства иракский город Мосул и идут бои за сирийский город Ракка, в повестке стоит вопрос: что дальше? Действительно ли Москва выходит победителем? Сможет ли она использовать Асада, в которого вложено столько сил, времени и остатков репутации, в будущих попытках договориться с Вашингтоном?

Претенденты на победу

Для победы в любой войне мало успехов на поле боя. Важно суметь закрепить эти успехи политическими решениями, которые принесут победителю пользу в долгосрочной перспективе. Соответственно, шансы претендентов следует в равной мере оценивать по их способности сражаться, и по их способности предлагать и реализовывать политическую повестку. Что же мы видим?

Единственную политическую повестку для поствоенного периода предлагают и воплощают иракские и сирийские курды при поддержке Соединенных Штатов. Сейчас уже нет вопроса, будет ли существовать

де-факто (и, возможно, де-юре) независимый Курдистан. Вопрос в том, в каких границах он будет существовать. Тут важно учитывать тенденцию. Так, с конца 2016 года была провозглашена Демократическая Федерация Северной Сирии (квазигосударственное образование, объединяющее территории, где в основном проживают курды). На конец сентября 2017 года намечен референдум о независимости иракского Курдистана. Кроме того, вдохновленные опытом борьбы против ИГ иранские курды демонстрируют [готовность сражаться](#) уже против Тегерана.

Официально курды не замыкаются на собственной этнической идентичности (хотя в реальности этническая доминанта в курдском вопросе бесспорна). Тем сирийским арабам, на чьих территориях они сейчас ведут бои с Исламским государством, курды [предлагают](#) после освобождения Ракки провести референдум о формировании правительства под эгидой Сирийских демократических сил (СДС). При этом в рядах СДС курды формально составляют [только 40%](#) (остальные — арабы), хотя и являются, судя по всему, их самой боеспособной частью. В любом случае, это заявка на компромиссное послевоенное устройство общин, освобожденных от ИГ. И в ее хотя бы относительно успешном осуществлении заинтересованы не только курды, но и американцы. Другой вопрос, что пока неясно, насколько даже успешный политический опыт курдов и СДС может быть применим ко всей Сирии.

Турция обособилась от международной коалиции и, похоже, утратила способность предложить какой-либо набор идей для Сирии в силу необратимой политической «травмы», перенесенной режимом Эрдогана больше года назад. Анкару в Сирии теперь волнуют исключительно курды. Однако неясно, какой итог в нынешней ситуации сможет ее удовлетворить. Этот диссонанс [толкает ее ближе к Москве](#), но близость эта эфемерна, поскольку сама Москва ничего существенного Турции в этом вопросе предложить не может.

Заявку на победу в Сирии оформил также и Тегеран, который выступает в союзниках у России. Правда, он рассуждает в парадигме арабо-иранского военно-политического и религиозного конфликта, а также в парадигме противостояния с Израилем и Западом. Поэтому его вообще не слишком заботит, что будет с Сирией в целом. Тегерану достаточно возросшего влияния на шиитскую общину внутри страны и возможностей использовать сирийские прибрежные районы (например, [для размещения](#) своих военных производств) под российским дипломатическим и военным прикрытием.

То есть ни Турция, ни Иран, на сотрудничество с которыми сделала главную ставку Россия, пока не видят для себя приемлемых вариантов завершения войны. При этом ограниченная политическая дееспособность самих асадитов не позволяет заподозрить их в стремлении к миру. Что же в этой ситуации делает Москва?

Кремлевский подход

Российские претензии быть в числе сирийских победителей кроме военных усилий не имеют под собой ни проекта [экономической реконструкции](#) разрушенной страны, ни внятной политической повестки. Проект [новой конституции](#), предложенный еще зимой на переговорах в Астане, — это заветная мечта о полноценном восстановлении в стране авторитаризма.

Трудность только в том, что режим Асада восстановлению в границах всей Сирии не подлежит. У дамасского диктатора [толком нет армии](#), а российские советники, силы специальных операций и наемники [взаимодействуют](#) с проасадовскими полевыми командирами.

Вместе с тем Кремль пытается обеспечить свою причастность к наметившемуся разгрому ИГ и старается максимально использовать имеющийся в Сирии военный и дипломатический ресурс. Об этом говорят и попытки создания зон деэскалации, позволяющих сконцентрировать удар в направлении [Дейр-эз-Зора](#), и [свидетельства](#) о резком росте в 2017 году потерь среди россиян (военных и наемников).

При этом основную нагрузку на разных фронтах несут [шиитские группировки](#), прибывающие из Ливана, Ирака и Палестины, и подконтрольные в значительной мере Ирану. Как следствие, Россия вынуждена иметь дело также и с этими группировками, по факту помогая им в их политических целях. Однако у нее нет возможности конвертировать это взаимодействие в приемлемый для себя самый результат.

Другими словами, за два года войны Москва не смогла сформулировать общую политическую повестку с

теми, на чьей стороне она воюет. Похоже, эта перспектива формируется ее союзниками в обход нее. От Кремля они ждут только вложений в победы на поле боя (Алеппо, Пальмира и т.д.) и разделения с ними политической ответственности за происходящее.

И можно представить, что после разгрома ИГ в Ракке и Дейр-эз-Зоре американцы всерьез сядут разговаривать с Россией о судьбах Сирии без привязки к широкому кругу других противоречий. Однако не очень понятно, как Москва видит Сирию после ИГ и как может способствовать общему урегулированию гражданской войны.

Замкнутый круг радикализации

На первый взгляд кажется, что развитие событий легко предугадать: после разгрома ИГ Кремль и Асад сосредоточат усилия на том, чтобы добить оппозицию в западной части Сирии. Более того, борьба среди оппозиционных группировок закономерно приводит к доминированию наиболее радикальных из них. Так было в 2014 году, когда подобные процессы привели к триумфальному маршу Исламского государства (хотя там сыграла роль и «химическая сделка», деморализовавшая умеренных оппозиционеров). Так происходит и в 2017 году, когда джихадисты из «Хайят Тахрир аш-Шам» (бывшая «ан-Нусра») и другие радикальные исламистские группировки берут верх в [Хаме](#) и [Идлибе](#).

Получается, что у России и асадитов появляется возможность не особо разбираться с целями и избежать волн международного негатива (как было при штурме Алеппо). А уже когда-нибудь потом можно будет подумать, что делать с курдами. Только тут Москва, судя по всему, недооценивает ряд важных моментов.

Разгром ИГ не означает его исчезновения. Еще в марте численность группировки [оценивалась](#) в 12000–15000 человек. В одном только осажденном Мосуле боевиков на тот момент оставалось 2000. В августе численность исламистов в Ракке [оценивалась](#) также в 2000 человек. Эти цифры ставят вопрос о том, какая часть членов ИГ ушла (и еще уйдет) в подполье и составит костяк местной криминально-террористической сети? Это же касается и других радикалов. Более того, те методы войны, которые мы видели в Алеппо, ведут к появлению новых радикалов.

И российская власть, и Асад (и тем более боевики движения «Хизболла» и других подобных групп) не умеют и не хотят вести диалог с обычными гражданами. У них нет никакой привлекательной политической и экономической альтернативы для тех, кто сейчас живет на подконтрольных исламистам территориях. Сирийским гражданам предлагается просто поменять одних радикалов на других.

Однако за этой внешней уверенностью скрывается растерянность Кремля. Иначе не объяснить, почему в 2017 году Владимир Путин еще [не нашел](#) времени даже для телефонного разговора с Асадом, зато [пытается](#) наладить диалог с Саудовской Аравией и [переживает](#) из-за блокады Катара, связанной в том числе с сирийскими делами. И все это также означает, что в отсутствие политического планирования в Сирии Москва начала дипломатическую импровизацию. Ее цель — оказаться причастной к любому плану урегулирования, быть за общим столом, не нести за реализацию этого плана никакой ответственности и не оказаться втянутой в серьезный конфликт на обреченной стороне.

теги

[syria](#)

категории

[Security](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu